

АННА
ЗЕНЬКОВА

ТЕ, КОГО НЕ БЫЛО

Анна Зенькова
Те, кого не было

ИД "КомпасГид"

2023

УДК 821.161.3-3-93
ББК 84(4Бей=411.2)

Зенькова А.

Те, кого не было / А. Зенькова — ИД "КомпасГид", 2023

ISBN 978-5-00083-842-6

Таисия Павловна плохо помнит свое детство, Петрович – собственную жизнь, ну а Леся хочет забыть всё и убежать от прошлого как можно дальше. Между такими разными героями нет, казалось бы, ничего общего. Кроме одного – затерянного клочка суши посреди неизвестного моря, где им предстоит встретиться, чтобы заново обрести себя. Что это – игра судьбы или запланированный государственный эксперимент, – читателю еще предстоит разобраться. Как и в том, кто есть кто в этом уголке незаметных для остального мира душ. Голоса героев новой повести Анны Зеньковой «Те, кого не было» – детей, подростков, взрослых – звучат очень отчетливо и очень искренне. Каждый говорит о своей боли и своих надеждах; каждый, несмотря ни на что, строит свою жизнь. Пока однажды не появятся те, кто изменит всё в их судьбах... Анна Зенькова (род. 1984) хорошо знакома читателям по книгам «Григорий без отчества Бабочкин», «С горячим приветом от Фёклы», «Удар скорпиона». Две последних удостоены детской литературной премии имени Владислава Крапивина. В каждой повести писательницы – психологически точные образы, легкий слог и важные для многих темы.

УДК 821.161.3-3-93

ББК 84(4Бей=411.2)

ISBN 978-5-00083-842-6

© Зенькова А., 2023
© ИД "КомпасГид", 2023

Содержание

Часть первая	8
Часть вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна Зенькова

Те, кого не было

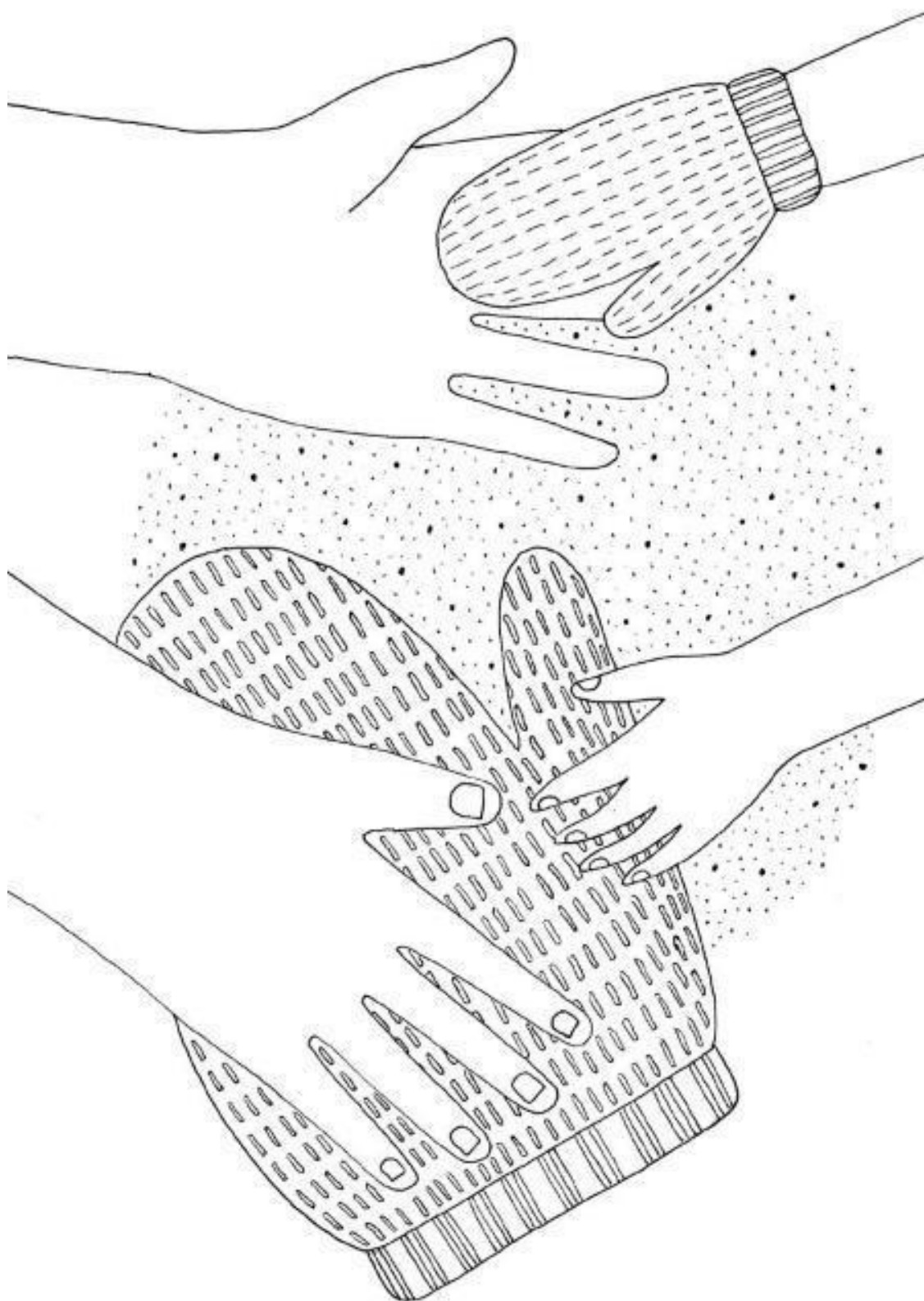
Моим маме и папе

Художник Вольга Пранкевич

© Анна Зенькова, текст, 2023

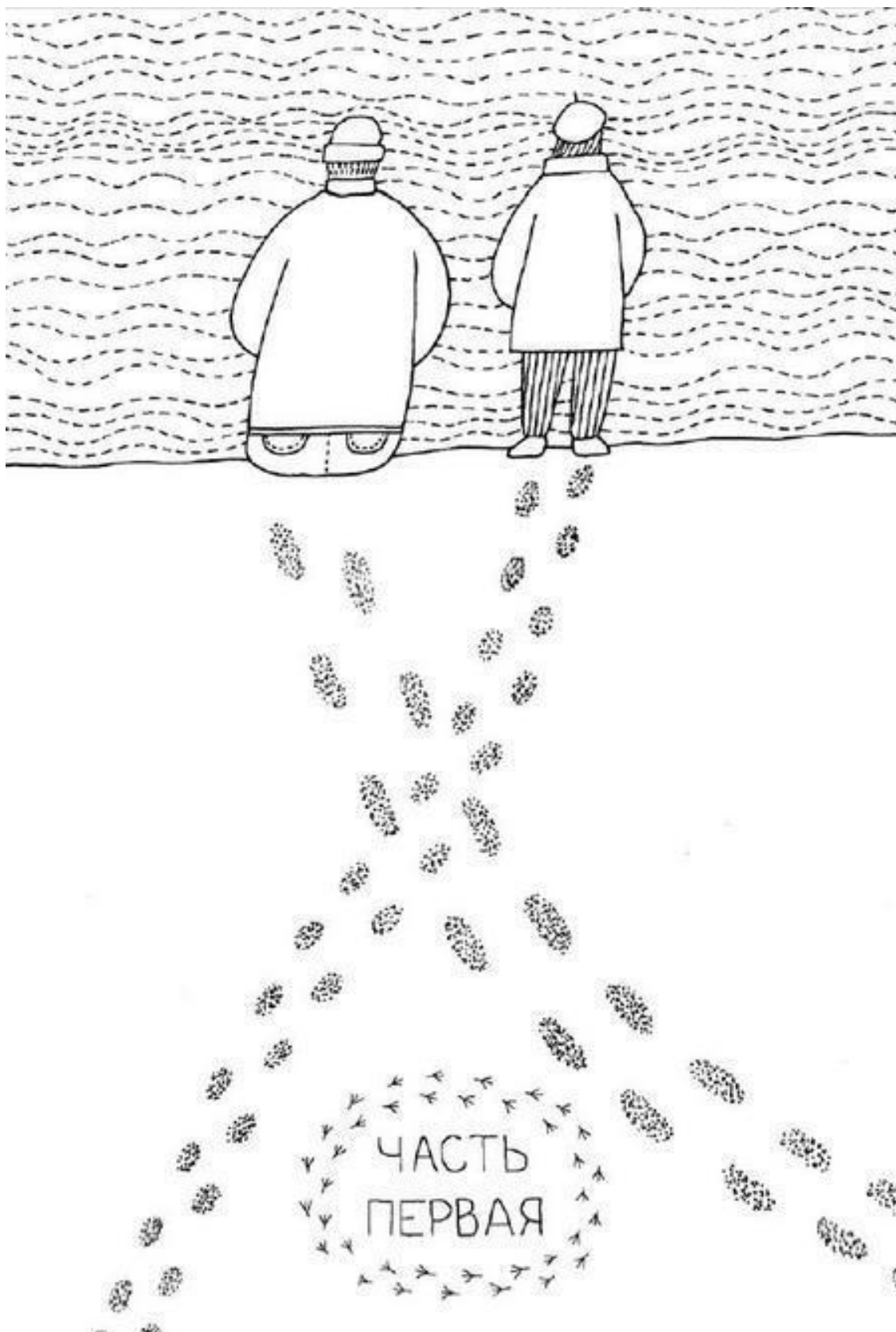
© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2023

Часть первая

Мальши сказал: «Я иногда роняю ложку».
А дед в ответ: «Я тоже, милый ты мой крошка».
Мальши шепнул: «Я писаюсь в штанишки».
«И я», – смеясь, ответил дед мальчишке.
Мальши сказал: «Я часто плачу».
Старик поддакнул: «Я тем паче».
«Но хуже нет, – вздохнул мальши, бубня, —
Когда большим нет дела до меня».
Коснулась внука нежная рука.
«Я знаю», – дрогнул голос старика.

Шел Сильверстайн

ПЕТРОВИЧ

Голик сказал: надо написать о нас книгу. И назвать ее «Сироты»! Якобы такое читают сейчас. Я не стал уточнять, кто и когда его по голове тюкнул. Главное, есть результат.

Потом немного подумал и все-таки спросил:

– Ты, Голенький, каши, что ли, объелся? Или компотику перепил?

Мы все так его зовем. Голенький. И ржем. А Серафимовна злится. Говорит: вы что, дети малые – ржать? Забывает, что мы и впрямь такие. Как малые.

Как, потому что есть еще дурнее. Младшая группа.

Вот мы сегодня сидим за завтраком – никого не трогаем. И тут этот приходит – из малышовых. Главное, ни здрасьте вам, ничего. Булочку со стола хватать – и дальше пошел. Я, понятно, не стал молчать. Ну-ка стой, говорю. Стол-то наш, не общий.

Да мне не булочки жалко! Но надо ведь и культуру иметь. В общем, хотел ему в лоб дать – заряд на перевоспитание. Но Серафимовна эта как коршун. Тут же влезла.

– Стихли оба! – шипит.

И раскинулась. Заслонила грудью птенца.

А Голик знай себе:

– Ты бы ей еще под юбку спрятался, – кричит. – Позорище! Смотри там, не задохнись в чужих панталонах!

И ржет. Ну и я вместе с ним. Так наш завтрак и проходит.

А этот, который Панталонович, он же неуравновешенный! Его раз задень, потом ни в жизнь не отстанет. Стал, значит, в дверях и нас караулит. Еще дружка своего свистнул – Витька.

Там тоже персонаж! Сам белый – натуральная моль, а брови как у нелюди: волосистые, с дурной такой рыжиной. Может, потому все и зовут его Бурый, а не Витек. Вроде как уважительно.

Хотя на деле с чего его уважать-то? Дикий черт. Мелкий. Вечно пальцем в носу ковыряет.

И меня это задевает, да. Он, видите ли, Бурый, а я – просто Петрович. Петрович, и все! Такой вот примитив.

Уж лучше бы по имени тогда называли. А то, получается, я совсем негодящий – раз у меня и этого больше нет.

А ведь когда-то было! Мамка меня, помню, Лёшиком звала. Или Алексейкой. Нежная бывала, пока не доведешь. А если вспылит, там уже всякое в обиход шло. Много чего такого – обидного.

А я? Что я мог, разу человека язык такой? Не выдернешь же!

Да и не со зла она, как я сейчас понимаю. Я нынче и сам могу перебраться с резкостью-то. Близкого обидеть – известно, дело левое.

Вот и Голика я, получается, оплевал – с этой его книгой. Так и сказал: иди поспи! Можешь еще на горшке посидеть – главный свой орган думающий прочистить.

Хотел еще кое-что по сюжету добавить, но было не до обсуждений. Мы же с этими – дефективными – дрались.

До мордоплясия, жаль, дело не дошло – Серафимовна вмешалась. Но тумачами кое-как обменялись. Панталонович теперь ходит – по углам скулит. Жалуется, что мы с Голиком – такие-рассякие – сирот обижаем.

Вообще, если разобраться, идея с книгой не так плоха. Просто ее обыграть нужно. Вот даже с названием этим... Если бы это я писал, совсем по-другому назвал бы. Сказать как? «Безымённые»!

Ну а как еще? Сироты – они и есть такие. Вроде есть, а вроде и нет. Корней нет, имен нет. Петрович, Бурый, Голенький. Бзик еще – это наш вахтер. Он вроде и солидный дядька такой, а вот же – сирота. С поста своего ни ногой. Потому что идти некуда.

А тот, кому идти некуда, с любого угла – сирота.

Я, чтобы Голенького задобрить, сказал: пошли на берег посидим. Мы туда часто ходим. Особенно когда припекать начинается.

Вот и сейчас. Я же видел, как его всего скрутило! Думаю: ну-у, началось. Сейчас еще, не дай бог, заплачет – придется врачу звать.

Он же непредсказуемый, этот Голик, сил нет. Бывает, придем на утес, а он вдруг: я кидаться буду! Шут гороховый! Я тогда ему в руку вцеплюсь и стою. Спокойно стою, а у самого сердце как шмель – кувыркается. Потому что идея – она вроде и ничего. Я бы, может, и сам кинулся. Если бы только знать, что от этого легче станет.

Голик и сам всё понимает. Или нет? Мы на эти темы не говорим. Но я по лицу вижу, по тому, как он слезы рукавом вытирает. С надеждой на будущее, так сказать.

Он после такого обычно к воде уходит. А я на обрыве сажусь. Челюсть выставлю, чтобы не сводило, и смотрю – далеко, в небо. Долго-долго смотрю, пока шею не заломит. Все хочу рассмотреть, что там внутри. Должно же что-то за этими облаками прятаться.

Или нет?

Вот это самое страшное. Если нет. Тогда лучше и правда кидаться.

Голенький хоть и дурной, но и друг тоже. А кому еще верить, если не друзьям. Это для остального мира мы «безымённые». Но не для своих.

Здесь я Петрович. Он Голенький. Он Бзыкеще. Так и живем...

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Эксперимент? Кажется, так. Забыла, как правильно называется.

Интересно, это от лекарств или я просто путаюсь?

Ну точно же он! Эксперимент. А как еще назвать такое?

Сначала ко мне Лидочка прибежала. И как начала! Виновато так, в пол:

– Таисичка Пална, милушенька моя, вот вам крест – я ни при чем. Они всех сами распределяли, без меня.

Я молчу. Дышу просто – обвинительно. Пусть знает, что я о ней думаю.

А она снова – как будто ее ключом завели:

– Да что они – и правда не понимают? Проклятые! У вас ведь и возраст какой. А с дочей как же? Здесь совсем другие условия нужны. Деликатные.

Ну а я что говорю? Молчу вот! Лучше всяких слов получается.

Лидочка как будто и ни при чем. Хоть она и жена Высоченного.

Однажды сказала мне, что это не повод ее ненавидеть. А что я могу, если закон такой: ненавидеть Высоченного и всех, кто с ним общается! И попробуй здесь не послушаться!

Но с Лидочкой я так не могу. Чтобы ее совсем ненавидеть! Она мне конфеты приносит. И с дочей видеться дает.

За что мне все это – не понимаю. Как было раньше хорошо. Я маленькая, и дом есть, мама. А теперь что? Уже и не поплачешь. Большие девочки не плачут – так Лидочка говорит. А сама в подсобке ревет, когда никто не видит. И всё из-за главного. Высоченного! Он у нее за спиной что-то там с Нинкой крутит. Это наша медсестра. Краси-и-ивая! А Лидочка вот – ревет.

А я молчу. Я почти всегда молчу. Даже когда к доче прихожу. Просто смотрю на нее. А она на меня. Как будто не видит.

– Таисичка Пална, так вы собираться будете? – Лидочкин голос трескается, как наш потолок.

Буду, говорю. Что еще делать?

Хотя у меня и вещей-то... Но я их берегу. Для дочи берегу. Ей важнее.

Ей мама нужна. И все эти мелочи, я решила, пусть тоже ей будут.

Лидочка снова суется:

– Гребенку-то возьмите.

– Зачем мне гребенка? – злюсь. – Как будто ты не видишь, что я почти лысая.

– Это дело наживное, – говорит Лидочка, а сама себе в тапочки смотрит. – Все у вас наладится.

«Ерунда какая-то, а не тапочки», – думаю я. И молчу. Без всякой злобы молчу. Просто мне давным-давно сказать нечего.

ПЕТРОВИЧ

Вот это я сейчас не понял! Что значит эксперимент?

Пришел, значит, какой-то лысый и давай вещать. Еще такими словами мудреными. Я из ста штук хорошо если десять понял. И то под сомнением. Очень уж странно звучит.

Так это я еще не сразу вник – что за эксперимент. Подобные новости лучше постепенно переваривать. Чтобы несварение не случилось.

Лысый этот – какой-то ученый-социопат. Голик ржет, говорит, сам ты социопат, а он – социолог. Спец, который изучает людей и разные штуки, сними связанные. Почему одни любят, например. А другие только жрать.

Ну, это не Голик такой умный. Сам лысый про себя и рассказал. Наврал, конечно, с три короба. Я с первого взгляда определил, кто есть кто. Социопат он и есть, а не оговорка.

А Голику лысый понравился. И, что уж совсем странно, Голик лысому тоже. Иначе как еще объяснить, кого ему в пару дали? Вполне себе мужик. Димоха или Тимоха? Я не расслышал.

Да и какая разница? С таким хотя бы поговорить можно. Пободаться.

А с этой что? О чем мне с ней говорить?

Пришла, главное, и села. Губы под нос закатала, руки сложила. Я говорю: может, познакомимся? Ну что, я нормальный человек. А она мне – криво так:

– Таисия Павловна.

Я чуть не грохнулся! Говорю: а можно попроще? Таисия, там? Или Тося?

Ну!

А она опять – точно укуса маханула:

– Нельзя. Так только своим можно! И доче. Я для нее – Тося.

«Доче? – я почти икнул. – Без шуток?»

А она сидит и глазами – хлоп-хлоп. Еще берет свой туда-сюда тягает.

Я только потом увидел. Вот это – на ее голове.

Родственники они, что ли? С нашим социопатом?

– А тебя как зовут?

«Это она мне?»

Смотрю – ну да. На меня же зыркает.

– Петрович, – говорю. – Можно просто Лёха.

– А фамилия?

«Опять берет дергает. Психичка».

– Это и есть фамилия, – нехотя отвечаю я. – Зовут Алексей.

Взял зачем-то и поклонился:

– Сергеевич, если так угодно.

Она меня прямо из себя вывела!

– Странно звучит, – выдает эта мымра. И снова беретом этим – туда-сюда... Чтoб ee...

– Так и Таисия Павловна... кхм-кхм... не так чтобы очень смотрится.

Это уже я ей – ответным комплиментом грохнул.

И что? Она просто встала и пошла.

– Мне пора.

Чума бубонная!

Я – сразу к лысому и говорю:

– Уберите от меня эту. Я с ней жить не буду.

А от него как пахнёт чем-то сладким. Упасть можно, а не одеколон. Хоть бы проветрился иногда, вонючка.

– Так и не надо жить! Просто общаться, дружить! Дарить друг другу тепло и флюиды радости.

Это он меня так успокоил, значит. Еще и руку на меня положил, смердяй!

– Что за мура? – я отодвинулся, чтобы высвободить плечо. – Какие флюиды?

– Энергия жизни! – начал кривляться этот чмошник. – Таинство общения!

«Убью сейчас! – я замер, как кобра перед прыжком. – Или покалечу!»

Но лысый продолжал жеманничать:

– Общение, друг мой, вот где основа основ! И эта основа всем вам жизненно необходима.

– Кому это – вам? – лицо у меня стало «свинсовое». Не металл, а как у дикого хряка – свирепое.

Но он как будто и не заметил.

– Вам, – говорит, – в смысле одиноким людям.

«Баран!»

Но я как-то моментом понял, что бить этого межеумка бесполезно. Смирился, что ли. И двинул искать Голика. Вдруг он согласится поменяться?!

Но Голик не согласился. Удивился – это да.

– Ты обнаглел? – такой. – Мы с Димоном уже вовсю ладим. Захотел чего!

– Так а чего? – я сразу весь закипел. – Ты хоть видел, кого мне дали?

– Ну видел, – Голик равнодушно пожал плечами, – Ты же с Серафимовной ладишь? Вот! Так и с этой поладишь. Делов-то.

– Ты это... знаешь, – я потрянул перед ним кулаком. – Не выводи меня!

– Вон Палыча тоже мадамой наградили, – прыснул Голик.

– Ну? – я недоверчиво покрутил головой.

– Ага, – Голик мотнул своей, но как-то без сочувствия. – Говорят, мужского пола на всех не хватило.

Я все еще не сдавался.

– А у Казбека кто?

Казбек – это тоже наш. Из соседней комнаты.

Голенький весь раззевался. Напоказ или так, я не понял. Но он явно от меня устал.

– Да перец какой-то. Но ты это – не обольщайся. То ж Казбек. Знатная жмотяра.

– А ты не жмотяра, да? – я обиженно сморщился.

– Бери, Петрович, что дают! – заржал Голик. – Авось поладите.

– Иди ты знаешь куда! – я слабо отмахнулся и пошел.

Сам не знаю куда.

Пришел к воде. Она здесь повсюду, куда ни ступи. Но я всегда в одно место хожу, где Левый берег хорошо виден. Стану и смотрю. А Центр, я спиной чувствую, на меня смотрит.

Ерунда, конечно. Что этой глыбе может быть интересно в человеке? Да еще и таком – маленьком. Этому месту все равно, кто ты и откуда пришел. Уж я-то знаю.

Центр – мы там живем. Не дом, нет. Пристанище. Так Казбек говорит. Он тоже дурной, но иногда вот соображает.

Ну хорошее же слово! Именно что про нас. В нем и горькота чувствуется, и много чего такого... Отчего сердце сжимается! Запах хлеба еще. А там, где есть хлеб, уже не страшно. Даже когда про страшное думаешь.

Я особо не думаю. Вот только когда к воде прихожу. Тут все такое – правдивое. Когда стоишь лицом к небу и вроде как бежать некуда. Ты у этого неба как на ладони весь. Чувства, мысли. Не соврешь.

Так-то мы всегда врем. Люди вообще плохо устроены – что тот пылесос. Даже если японский, все равно со временем ломается. Но здесь, где небо в лицо дышит, все иначе чувствуется. Когда смотришь в него и себя видишь. Как в зеркале. Все свои свищи, трещины, ржавчину. Стоишь и думаешь: ну и что? Ну свищи, ну ржавчина. Японцы тоже люди. Все ошибаются!

И вроде как примиряешься. Небо – оно любого примет. Так ветер всегда говорит и по ушам гладит.

Я однажды Голику то же сказал. А он заплакал. Поверил, значит.

Голик из нас – самый дурной.

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Я с ним жить не буду. Не хватало еще!

Натаниэль Карье... Карэнович! Все время на словах спотыкаюсь. В общем, он сказал, что так надо. Это как игра. Эксперимент. Но я ему не верю. У меня самой игра – не верить всем.

Я только доче могу. И Лидочке еще. Она если говорит – горькое, значит, нужно приготовить. Ам – и все.

Лидочка милая. Жаль, что меня от нее забрали. Дурацкий эксперимент.

Хорошо еще, мы не в одной комнате будем жить. Просто в одном здании. Если бы в одной, я бы тогда сразу жаловаться пошла куда надо.

Правда, забыла куда.

Бабушка туда часто ходила. Потом как придет обратно – злая-презлая – и кричит с порога: никогда никому не верь!

Я и в дочу особо не верю. Просто притворяюсь, чтобы сохранить... илью. зию? Да, вот эту вот – семьи.

Лидочка говорит, и это пройдет – недоверие. Вопрос – верю ли я Лидочке?

Нет, конечно нет. Она ведь тоже – все.

Пошла без спроса к воде. Красивая такая! Широкая. А вокруг берега! Как у пирога, на вулкан похожего. Там внутри еще жерло! Правый берег ниже, в ямках весь. А левый – высоченный, с бахромой. Пойду туда. С высокого края берега небо лучше видно. И все, что за ним.

Пришла, а там он сидит. Расселся! Я сразу губы сморщила, чтобы напугать. Ноу него и самого рожа не шутка. Гладкая, как кирпич. Странное такое лицо.

Потопталась. Думаю, надо уйти, пока не поздно. Но уже все – опоздала. Говорю тогда:

– Не смотри так. Я не к тебе пришла. Просто.

А он – вроде мне, а вроде и не мне. Голову задрал, как петух, и на небо тащится.

Таращится, я хотела сказать.

– Так я и не думал, что ко мне, – бурчит. – Больно надо.

Это он точно мне! Вряд ли бы небу стал.

Я еще потопталась. Теперь уже ясно: самое время уйти. Но я как прилипла. Еще к нему чуть подвинулась.

– Ты есть не хочешь? – говорю. Так все спрашивают, чтобы разговор начать.

– Нет, – говорит. И дальше на небо смотрит. – Не видишь, я духовной пищей насыщаюсь.

Я таких шуток не понимаю. Чувствую, что это шутка. Но как понять?

– Ты сама-то давно ела? – он вдруг меняется. Голову опускает и на меня смотрит. – Давно ела, спрашиваю?

– Я лысая, а не глухая, – отвечаю обиженно. А он вдруг начинает смеяться.

Я тоже прыскаю. Смеху него, в отличие от рожи, добрый.

– Мы с тобой поладим, – выдает, успокоившись.

«Еще чего!» – смотрю, как могу, из-под бровей. Так, чтобы сердито.

– Ну точно поладим! – веселится он еще больше. – У тебя же брови как у моего кота.

То-то я думаю, хрюкало знакомое!

Я и сама немного добрею.

– Кота? – бурчу. Так, чтобы он не понял, что мне приятно стало. – У тебя есть кот?

Ну как же это – кот? Здесь, что ли?

– Был, – пожимает плечами, – Уже умер.

Дуралей несчастный!

– Я пошла! – бросаю в него, как огрызком, – Мне доче позвонить надо.

– Нету тебя никакой дочи! – орет он мне в спину. – Ты ее нарочно выдумала!

Разворачиваюсь и тоже кричу – так, что, кажется, лопну:

– Нет, есть!

– А вот и нет! – он дергается, как от укола, – Ты помешанная!

Подлетает и срывает мой берет.

– И лысая!

Я думала, смеяться станет.

А он этот берет к себе прижимает. Как кота того, с которым мы бровями похожи. И шепчет:

– Лысая-лысая.

Как будто сейчас заплачет.

Потом вдруг назад ка-ак швырнет:

– На! И не подходи ко мне больше!

Будто я заразная!

– Сам не подходи, – я машу на него беретом. – А то хуже будет!

Он не идет. Снова в небо смотрит.

– Наградил господь соседством, – шепчет ему обиженно. – Это же дура дурой какая-то.

– Не ябедничай, – я корчу рожу. – Небо таких не любит.

– Небо всяких любит, – отвечает он спокойно, – Оно милосердное.

«А вдруг правда?» – думаю я. Но не верю.

Я всем не верю. Даже себе.

ПЕТРОВИЧ

– Так что ты решил? – спросил меня за ужином Голик.

Я в него прямо плюнуть хотел! Но потом вижу – и правда интересуется.

– А что я могу решить, – ворчу, – когда за меня уже всё решили.

– Ну-у-у, не зна-а-аю, – тянет он. – Сходи к директору, скажи, что ты не согласен. Он же тоже человек. Должен понять.

Голенький за ужином почему-то всегда особенно участливый. Есть у меня подозрение, что нам в гуляш какую-то байду подсыпают. Вот он и добреет, это барахло потрепанное.

– Без тебя обойдусь, – говорю. – Нашелся тут советчик.

– Ну и сиди молчи тогда! – огрызается Голик. – Чего раскудахтался?!

– Ты сам сиди! – вскидываюсь я. – Пока не схлопотал по загревку.

– А ну стихли оба! – Серафимовна привычно грозит нам из своего угла. Надо бы ей табличку смастерить «Эмир-базар». Над головой повесить. Чтобы все непосвященные знали, с кем дело имеют.

– Ты фасоль-то будешь? – примирительно буркает Голенький. И намою тарелку такими глазами смотрит, как будто его не кормили лет сто. Ха-ха! Сам-то вон какую морду развел на буржуйских харчах.

– Не буду, – говорю. – На, давись! Будешь потом на весь блок вонять.

– Вот что ты за человек такой, а? – Голик хватает вилку и чуть ли не носом тюкается в эту фасоль. – Что ни слово, то мусор.

– Да-да, жри давай и не заговаривайся! – подбадриваю я.

– Не рот, а сточная канава какая-то, – никак не успокаивается Голик. – Что за человек?! Треснуть ему, что ли?

– А я не человек, – говорю, – Ты сам знаешь.

– Знаю-знаю, – он смачно похрюкивает. Это уже от удовольствия!

«Вот же чухло», – беззлобно думаю я. Ну правда, вылитый хрюша!

– Все, пошли! – Голик со вздохом отставляет от себя пустую посудину, попутно дожевывая. – В актовом зале собираемся.

Я отмахиваюсь:

– С какого такого вдруг?

– Сейчас директор выступать будет, – Голик дергает меня за рукав, – Расскажет про этих – наших. Подселенцев!

– Ты иди, а я тут посижу, – отнекиваюсь я, – Устал чего-то.

– Отчего ты устал, дядя? – он с силой тащит меня за рукав. – Пошли, кому говорю! Пока Серафимовна тебя под зад ногой не выпроводила.

А вот это и правда угроза! Там же не нога, а чугун!

Мы как-то с Казбеком повадились у Серафимовны яблоки из кладовой тягать. И вот однажды она нас таки прищучила. Казбек – чечен этот ушлый – сразу смылся. А мне по самую макушку влетело и до самого низа дошло. Задница до сих пор горит, как вспомню. Серафимовна, видно, в прошлой жизни футболистом была. В высшей лиге за каких-нибудь комитаджей играла!

Но она и сейчас ого-го! Наш главный центрфорвард, можно сказать. Во всем этом дурдоме.

– Так ты идешь или нет? – дохнул на меня чесноком Голенький. Вот же мерзость какая.

– Иду, – говорю и высмаркиваюсь. – А ты бы хоть иногда зубы чистил. Или жвачку погрыз, раз своими силами не справляешься.

– Ну а я что, – он виновато разводит руками. – Я, что ли, виноват, да? Или повар, который чеснок положил?

Повар! Как будто он не знает, что его Клавдией зовут... Мурло!

– Пошли уж, – беру его под локоть. – Не распинайся.

– Ну а что ты сам начинаешь? – продолжает возмущаться Голик. Но идет в ногу. Куда денется.

Вот так мы и живем.

– Дорогие мои! Родные! – восторженно начинает директор.

«Понятно, – думаю я. – На этом можно уже и кончать».

– Сегодня в нашем доме удивительное... я бы даже сказал – знаменательное событие! – повышает децибелы директор, чтобы перекрыть общий рев.

«Давай-давай, старайся! – я закатываю глаза. – Мы все внимание, дорогой ты наш Лох Валерьевич!»

Потом гляжу, а другие-то, оказывается, и правда внемлют! Смотрят на него и орут. Кто-то еще и слушает.

Долбачье...

– Благодаря нашему любимому партнеру, другу и спонсору, – продолжает чирикать директор, заискивающе поглядывая на лысого, – мы можем открыто и торжественно заявить: начало положено!

«Начало конца», – думаю я с назревающей тоской.

– Ты чего? – толкает меня в бок Голик. – Слушай давай!

– Да... – я усиленно моргаю. – Зевота напала.

– Думаешь, зря они это? – Голик нервно мнет колено.

Я изображаю недопонимание.

– Что – это?

– Что-что! – психует Голенький и разводит, как бог, руками. – Затеяли это все. Совместножительство.

– Я с этой жить не буду! Сказал же.

– Не будешь? – голосу Голика начинает отдавать писком.

Конечно буду. А куда я денусь? Не назад же мне возвращаться.

Но Голику все равно не признаюсь. Пусть попереживает. Мог бы и поменяться вообще!

Я же с ним обедом меняюсь, когда перченое дают.

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Комната хорошая. Со шкафом. А я волновалась – какая будет. Думала, хуже моей.

Но эта почти такая же. Только вместо берез на картине ели.

Смешно даже. Картина в том же углу висит. В правом. Я сижу и смотрю на нее, как будто между нами магнит. Что-то пытаюсь понять. Про нас и про них. Получается, мы одинаковые?

Вот их дом. А там наш. С картинами в правом углу.

Здесь и обои как у нас пахнут. Совсем одинаково. Я три раза понюхала, чтобы понять.

И догадалась!

Картины – это просто игра такая.

ПЕТРОВИЧ

Совместножительство! Нет, Голику и правда книгу пора писать. Такое придумать!

Хотя – а как еще это назвать?

Я бы маразмом назвал. Старых и малых под одной крышей селить – это только идиоты могли такое придумать. Совместножительство. Тьфу ты!

Я Голику сказал: ты давай поплачь еще! На эти его лобызания.

Он как узнал, что я остаюсь, – сразу кинулся. Не с утеса хотя бы, и то хорошо. Обниматься!

Вот я и сказал про «поплачь». Что я, баба, что ли, – с мужиками обниматься?! Ну хлопнул его по плечу раз-другой. А то еще и правда заплачет.

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Лидочка говорит, что в моем возрасте нельзя всё держать в себе. Нужно иногда плакать.

Но я не могу. Я хочу, а слез нет.

Николаева из второй ревет, как динозавриха, у которой детеныша отобрали. Несправедливо, да? Это же у меня дочу отобрали, а ревет почему-то она. Может, меня подменяет?

Я села на кровать и молчу. Думаю: ну зареви уже! Может, продышишься.

Я давно не дышу. Вдох еще могу, а назад, чтобы выдохнуть, не получается. Хожу как кит – воздуха в пузо набравшись. Лидочка даже испугалась раз. Всполошилась, что у меня... брюшная грыжа! А врач послушал и сказал – «неваренье».

Я сразу нашего Барса вспомнила. Как он харкал костями. Мама ему острого даст, а он потом всю ночь жалуется. А бабушка маму ругает. Говорит: вот, пожалуйста. Теперь у него из-за тебя... вот это. Неваренье!

Бабушка старая была. Забывала всё. Как я сейчас.

Но ее я никогда не забуду.

Может, все и правда так, как врач сказал.

Что у меня эта жизнь никак вареньем не становится.

ПЕТРОВИЧ

У Голика опять несварение. Конечно, так жрать! Еще и фасоль.

Пошел к медсестре за углем и эту – страхоидолшу – встретил. Говорю, ты бы хоть в помещении шапку снимала. Неприлично это – в шапке среди людей ходить!

А она сразу в штыки!

– Не шапку, а берет!

Противным таким голоском. Как будто это у нее несварение, а не у Голика. Ну честное слово!

Я плюнул и дальше пошел. Пусть ходит где хочет.

А она мне в спину:

– Ты не знаешь, где здесь туалет?

Не знаю? Я здесь живу вообще-то!

Говорю – не так чтобы зло:

– Там, где буква Ж нарисована. Ты читать умеешь?

А она мне:

– Нет.

На полном серьезе! С таким еще лицом...

Нет, ну ладно! Может, просто буквы забыла? Они же все в этом возрасте ку-ку. Невменяемые!

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Потерялась. Пошла искать туалет и снова на этого злодея наткнулась.

Вот за что мне все это? Николаевой такое солнышко дали. Веру! Ну прелесть же! Они уже и в карты вместе играли. А Николаева продула, обиделась и ушла. Но это обычное дело. Она же психическая.

А я даже обидеться не могу. На правду ведь не обижаются.

Буквы эти... Я на самом деле их забыла! Стала столбом – как свекла переваренная. Красная такая. И слова сказать не могу.

Хорошо хоть в штаны не надула. Был бы совсем позор.

С обдуванием у меня теперь частый номер. Лидочка говорит, надо памперсы носить. Но мне сколько лет! Чтобы еще и памперсы...

Я ведь уже большая.

ПЕТРОВИЧ

Одуреть. Пошел, значит, свою искать. Надо же программу выполнять. Или чем там у них это полоумие зовется?

В общем, шел-шел и нашел. На свою голову! Захожу, а она на кровати сидит. И молчит. Ничего необычного, казалось бы. Я уж и обратно собрался. Потом вдруг слышу... и думаю: это что еще за звук? Прислушался – ну точно! Ревет!

Да я скоро сам зареву с такой расстановкой. Один рыдает, вторая рыдает. Сколько можно-то?

Ладно, походил-подумал, снова к ней в комнату заваливаюсь. Говорю, хватит мымзить, плесень разводить, пошли лучше телевизор смотреть. Ты какие фильмы любишь?

Я специально таким тоном говорил, чтобы она ни о чем не догадалась. О моих, кхм, чувствах.

А если бы и да, так что? Я же не какой-то там рыловорот убогий, чтобы спокойно смотреть, как она страдает. Сидит вся белая, нос распух, глаза как ягоды поречки – красные. Конечно, жалко.

Я ей опять, значит, говорю:

– Ну и чего ты разошлась? Ужин, что ли, не понравился?

А она – голову в плечи и дальше сидит. На кровать смотрит. Ну и я посмотрел – просто ради жеста. Кровать как кровать. У меня такая же.

И только потом понял. По запаху.

Ну и подумаешь, обдулась. А воеет – как будто с похорон явилась. Тьфу!

Нет, я, признаться, растерялся слегка. Японский бог, думаю.

Стоял там, как дуболом, глазами шлепал. Но потом взял себя в руки и так бодренько ей: – Пошли, – говорю, – старушка, помоешься. А я на шухере постою.

А она еще больше в слезы. Только головой мотаает.

Причем слезы такие – без всякой жидкости. Я так и не понял, как она это делает. Вроде плачет, но не слезами. Просто воздухом заходится.

Не знаю, может, у нее переходный период какой. Когда внутри все меняется. Из одного русла в другое перетекает.

В общем, странная она, конечно, не дай бог.

Кое-как убедил ее в душевую сходить. Вещи собрал, что нашел. Там тех вещей, конечно... Ну, платье какое-то. Древность висячая. Рейтузы еще. Носки.

Всё, кроме полотенца.

Тоже маразматика! Человека поселили, а полотенце не дали. Я понимаю, что не курорт пять звезд, но хоть какие-то мелочи можно заранее обдумать.

– Ты, – говорю, – подожди, а я к Серафимовне за полотенцем сгоняю.

А она в меня как впилась рукой!

Там тех пальцев, конечно, всего ничего. Воробей в сторонке курит. Но меня от самого зрелища пробрало. Как она смотрела! Так... загнанно.

– Что ты, и правда?.. – шепчу ей. – Со всеми бывает.

А она так – ну точь-в-точь по-детски – глаза вытаращила:

– Да-а?

«Не-ет», – передразнил я про себя. И тут же устыдился. Вот что я и правда за дрянь? У человека такое положение сложилось, а мне бы всё зубы скалить.

– Сейчас полотенце принесу, и пойдем. Хорошо?

Еле-еле руку у нее отнял. И как ломанулся из этой комнаты, будто мне в спину стреляют. Пока до Серафимовны добежал, и правда чуть не скопытился – так поясницу прихватило.

И эта еще! Она же не может не высказаться! Увидела и давай орать. Мол, что ты несёшься, как бизон подстреленный. Как будто тебя в армию забирают.

Несёшься! Тьфу! Хоть бы дикцию поменяла. В приличном же месте работает. Не на ферме.

Я ей тоже кричу на ходу:

– Давай полотенце сюда. Скорее!

А она мне:

– Обойдешься! Я тебе вчера меняла.

Тут я уже прямо взревел:

– Давай, сказал! Немедленно! А то к директору пойду.

А Серафимовна как загогочет! Конечно, смешно! Что ее директором пугать, когда эта буза и из него, если приспичит, фарш сделает.

Пришлось рассказать.

И что? Она на меня еще больше накинулась. Мол, это я виноват!

А я-то тут при чем? Нашла крайнего!

Спасибо хоть, полотенце дала... Куда б она делась?!

Иду я, в общем, обратно, а моя бедовая под дверью вошкается. Пожитки к себе прижимает.

Говорю как могу по-дружески:

– Пошли, покажу, где души.

Довел, значит, и стою. И она стоит. Смотрит как чумная. Я этого не понял, естественно. Взгляда такого! Ей еще что-то нужно? Так я же не телепат! Тебе надо – скажи.

И сам говорю:

– Хоть берет сними! Или ты в нем мыться будешь?

А она как глазами сверкнет. Ух! Там еще и характер, оказывается, остался. С виду воробей, а в душе орел, так, что ли?

Потом еще дверью ка-а-ак даст! Чуть нос мне не оттяпала, фурия!

Или это у нее вместо спасибо – так?

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Я не буду об этом говорить. И даже думать не буду.

Но как не вспоминать – никак не придумаю. Простыня-то мокрая. Я и влево от нее, и вправо, а все равно его лицо вижу. Когда он понял, что я надудонила!

Странно так. Я сразу бабушку услышала. Как она говорит: друг познается в беде.

Конечно, он мне не друг никакой. Противный – так да. Рожи свои дурацкие корчит.

А простыню я завтра выброшу. Скажу, что он забрал. Пусть его ругают.

ПЕТРОВИЧ

Ну и денек. А ночка еще хлеще. Голик, зараза, весь блок отравил. Хоть противогаз надевай, ну честное слово!

Так я еще и про некоторых все время думал. Какое у нее было лицо... Без всякой защиты!

Вот эта мысль мне до сих пор покоя не дает. Что лицо – оно и как маска бывает. С виду старуха старухой, а под кожей, оказывается, дитя сидит. И плачет.

А если еще как эта – без слез, – тогда вообще удавиться можно. Я хоть и топтанный башмак, но от такого вида даже у меня в носу защищало.

Надо завтра простыню забрать. Чтобы ей ничего такого не напоминала. Отдам прачихе – пусть обработает. Она у нас женщина подготовленная, и не такое стирала. В младшей вон тоже – через одного писаются.

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Я еще не сплю. А уже скоро вставать пора – небо за окном почти белое. Хорошо, простынь подсохла, не так противно лежать. Можно подумать о чем-нибудь приятном.

Я лежу и думаю о доче. Как она там? Когда мы снова увидимся?

Завтра спрошу у него. Вдруг он знает?

Но тогда придется простынь оставить. Чтобы его не злить.
Или сделаю так: сначала спрошу, потом выброшу.

ПЕТРОВИЧ

Бедлам! Мырма эта простыню куда-то дела и утверждает, что я сам взял. А как я мог взять, если я за ней только шел как раз? А?

Я сначала даже не поверил. Там же глаза – грусть-печаль! Как у последней крокодилихи в природе. Я посмотрел и думаю: не-е-ет. Разве она станет врать? Уже мимоходом засомневался, не съехал ли я, случаем, с автострады.

Ну! Тут, знаете ли, у любого может крыша поехать.

Потом еще раз мысленно взвесил все, успокоился. Я точно знаю, что не брал! Значит, она – врунья захудалая.

– Ты куда, – говорю, – простыню дела?

Спокойно так, но с угрозой. Я ей, конечно, ничего не сделаю, зато вот прачиха – Егорна которая – точно всю душу вынет. Не ей, так мне. Мы же теперь в одной связке и я вроде как главный, разу этой мозги набекрень.

И что? Ничего! Сидит как ни в чем не бывало. Голову свою дырявую через берет шкрябает.

Я постоял-постоял и пошел, плюнув три раза. Нашли лысого! Что я, в клоуны нанимался – всяких душевнобольных развлекать?

Пусть сидит и чешется в гордом одиночестве. Если ей так надо!

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Я на обед не пойду. Здесь останусь.

Вот умру от голода, будет тогда знать!

ПЕТРОВИЧ

Голик сказал, что я не прав. Мол, зря я так на нее накинулся.

Ну, положим, ничего такого я не сказал! Но если задуматься... Человек когда психованный, ему и правда много не надо. Достаточно зыркнуть один раз.

– Эх, Петрович, Петрович, – подначивал меня Голик, пока мы тянулись в столовую. – Ничего-то ты в женщинах не понимаешь!

– Ты уже много понимаешь! – отбрил я. – Великий дон Жуан!

Он сразу насупился:

– Да уж побольше твоего Джуана.

– Ой, не лезь! – я со злостью пихнул дверь плечом. – И без тебя на душе погано.

Мы вошли в столовую.

– От тебе на! – глубокомысленно изрек Голенький. – От же...

– Так... – у меня сразу глаза кровью налились. – И что это значит?

– Я-то тут при чем? – окрысился Голик, – Что ты меня спрашиваешь?

– А кого мне еще спрашивать? Себя, что ли?

В общем, мы там чуть не подрались.

– А ну стихли оба! – накинулась на нас Серафимовна. Она же по-другому не умеет!

– Садись уже! – шипит мне в плечо Голик. – Пока не получил по башке поварешкой.

– А ты что? Стоять будешь? – я тоже зашипел куда-то в сторону.

Но Голик решил не продолжать и двинул к соседнему столу. У них теперь с подселенцем свой собственный, получается. А у меня свой.

Бредятина какая-то! Сидели себе люди, никого не трогали, и тут нате вам – отдельные столы! Не удивлюсь, если и эту ахиною недавний лысый придумал. На пару с нашим директором. Там же тоже – удивительной разновидности идиот.

Я-то, конечно, сел. И сижу, как индюк на завалинке, головой кручу. Смотрю, как другие рассаживаются. Даже Голик и тот со своей парой. Ха-ха.

А я один. Как недоразвитый.

И всё из-за этой!

Сам про себя я давно понял: если человеку не везет, так сразу во всем. Но как с этим бороться – до сих пор гадаю.

– Тебе салат ложить? – Серафимовна нависла надо мной с кастрюлей – с явной такой претензией. – Или опять будешь из себя мнить?

– Не ложить, а класть, – я посмотрел на нее с неприязнью. – Холтома!¹

– Чего-о-о? – она прямо вся выгнулась. «Я это вслух что ли сказал?»

– Ничего, – я сделал вид, что молчал все время. – Клади уже, раз предложила.

– Клади-клади, – она с чувством ляпнула мне по тарелке салатом, размазав часть по столу. – Нет чтобы спасибо сказать, грамотей.

– Спасибо, – я брезгливо отодвинул от тарелки майонезный комок. – Что-то ты мажешь мимо цели.

Но она уже двинулась дальше.

«Обернется или нет?» – начал я гадать, чтобы хоть чем-то заняться.

Обернулась.

– Жуй давай и бегом за добавкой!

И дальше шурх-шурх своими юбками и подъюбками.

Хорошая женщина все же. Хоть и визгливая до жути. Но от такой жизни любой завизжит. Тут и дураку ясно.

Я глянул через плечо на Голика – посмотреть, чем он там дышит. Ну и на дверь заодно. Вдруг эта появится.

Но там было пусто.

А Голик тоже хорош! Словно и не сидел со мной за одним столом все эти годы. Жрет в три горла и ржет, хоть бы хны. Как будто меня и не было!

Удивительная вещь! Все наши по парам сидят. Вот просто все до единого! И только я один. Дурдом.

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Я здесь точно одна умру. И никто об этом не узнает.

ПЕТРОВИЧ

Я человек с принципами и решений своих по жизни не меняю. Такя Серафимовне примерно и сказал, объясняя, куда вторую порцию салата дел.

– В карман положил, – говорю. – На, посмотри!

А она еще так нагнулась, как будто у меня там и правда карман. А у меня штаны наглухо зашиты, ха-ха.

А салат я в пакет положил. Чтобы этой тетёхе отнести.

Кто-то же должен за ней присмотреть. Почему только я – непонятно.

Вообще, ничего я не должен. С какой такой радости? Что я ей, мать родная – из ложки кормить?

¹ Холтома (разг.) – некультурный, безграмотный человек.

Но в этом и вопрос. Что матери у нее, судя по виду, отродясь не было. А есть-то любому нужно.

И потом, мне что – легче станет, если эта дикобразиха там от голода помрет? То-то и оно!

Потому я и пошел к поварам за тарелкой. Но разве у этих допросишься. Говорят, контейнер давай. А где я им его возьму в этом гетто?!

Пришлось в пакет пихать. А сверху еще запеканку. Запиханку практически. Черт-те что...

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Я такого вкусного салата никогда не ела! Даже с колбасой – все равно вкусный, хоть я ее и не ем.

Я сначала ковырять хотела. Потом вижу: смотрит, как будто понял все.

У меня сразу сердце застучало. Думаю: ну, конец! Сейчас ругать начнет.

А он говорит – просто так:

– Не хочешь – не ешь. У нас тут демократия.

Сердито, но как будто не всерьез. Я не поняла, может, шутит. Но спасибо все равно сказала.

Мне так хорошо стало – после его слов. Или от салата? Почти горячо внутри. И я подумала – наверное, это от благодарности.

Кто бы мне еще поесть принес?! Лидочка теперь далеко. А с ним мы чужие.

Это я так думала. А он взял и принес. Еще и сидел со мной, пока я ела. Дурости всякие рассказывал.

Правда смешные!

Он и сам смешной, когда не прикидывается. А если не морщится, так совсем хороший.

А я же сначала боялась – ужас как! Сидела и жевала молча, чтобы его не злить. Прямо из пакета ела, даже колбасу.

Но омлет уже не смогла – выплюнула. Сначала, правда, откусила – думала, что запеканка. Они же оба квадратные, нельзя разобрать.

А он как засмеется! Говорит, я и сам их все время путаю. Запеканку эту не переношу.

А я вот думаю: можно было и колбасу, получается, выплюнуть? Раз за это ничего не будет.

Больше ни за что не стану есть!

ПЕТРОВИЧ

Не знаю, во что я ввязался?! Сейчас бы сидел с Голеньким, в карты резался. Но куда там! У него теперь другие дела, поважнее.

Которые меня, видимо, не касаются.

Я ему уже и не друг, получается! Так, отработанный материал.

Даже полслова мне за завтраком не сказал, старпень... И видел же, что я один маюсь. Но нет! Подойти поддержать человека – это выше его способностей. Умственных которые.

А я тоже дурак. Сидел сначала, всем своим видом Наполеона изображал. Ну или еще кого похлеще. Я же не шибздик, как некоторые, да и по части характера здоровее буду.

Хотя как сказать. Судя по всей этой истории...

В общем, сидел я там, ну вылитый царь Горох, и досиделся. Все собрались и ушли, а я один остался. Как идиот – с салатом.

И ведь недаром же Серафимовна талдычит, что гордыня – это чистой воды грех. Она же любительница в мой адрес всякие библейские ереси отпускать. Вот и сглазила, видно. Ведьма проклятая!

Я, может, и не стал бы этот салат в пакет класть. И уж тем более куда-то там волочить. Как будто мне делать больше нечего! Но она как надела. Серафимовна эта. Все ходила мимо,

туда-сюда, сюда-туда, пока я свою порцию жевал. И главное, нет чтобы просто пройти. Нет, конечно! Надо обязательно своей задницей человека в плечо пихнуть. Что-то там доказать ему – таким вот образом. Чего она там бухтела? Дескать, и совести у меня нет. И страха перед Богом тоже нет. И ничего-то у меня приличного в душе не осталось. Как будто я не человек, а ирод какой-то.

Это тоже ее слова, кстати, не мои. Я таких не употребляю.

И потом... Хорошо, может, я и есть тот самый ирод. Но тоже ведь живой человек! И терпение у меня далеко не железное.

Поэтому я и не выдержал. Встал, собрал все эти яства, изыски и амброзии... пропади они пропадом... и пошел.

Я не к ней шел, а от этой гримзы подальше. Она же мне все уши выела своими нотациями. Серафимовна! Но все равно получилось, будто бы я к ежихе в берете приперся. Именно так это и выглядело. Как будто я по ее поводу вдруг озаботился.

А я просто шел. И все. Кому я вообще объясняю!

Но как она жевала этот салат! К такому не подготовишься – вот как! Я, может, потому и идти не хотел, что все заранее знал. И сам себе сказал: отдашь, и сразу утекай. Но где там! Я с места сойти не мог! Стоял, таращился, как умалишенный. Потом сел. Белиберду какую-то понес, лишь бы только на нее не смотреть. Как она жует. И жмурится! То ли от страха, то ли от благодарности. Так вот щенки едят, которые заброшенные. Или еще кто похуже.

У нее, бедной, и берет сполз – так она челюстями двигала. Ну хоть порозовела – от натуги-то. До этого сидела, как нить, – почти невидимая. А тут вон и черты какие-то проявились. Отдаленно человеческие. Ей бы еще волосы прищандорить. Было бы совсем хорошо! Но как такое предложить? Она же, наверное, разобидится.

Или нет?

Меня от этой мысли прямо затрясло всего.

Ну и жизнь, думаю, настала! Это что теперь, слова не скажи без предупреждения? Так получается? Ходи только и кланяйся. Ножкой перед всеми подряд шаркай.

Вот поэтому одиночество – лучший друг человека. Человека, я подчеркиваю, а не всякой там шушеры.

Голик вон вечно ноет, что в семью хочет. А мне семья не нужна. Я свой салат и сам могу съесть, без посторонней помощи. Я такую помощь в гробу видал!

Какой идиот вообще придумал, что жизнью нужно делиться? Жизнь – это сугубо личное. Сам себе родился, сам и умер. Простой и понятный расклад.

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

У него опять настроение плохое. Странный человек. То смеется, то куксится. Я таких знаю. Они – самые опасные.

А может, у него из-за одиночества так?

Это мне Лидочка сказала. Что все злые люди ужасно одинокие. И нужно изо всех сил стараться оставаться добрым внутри, чтобы, если понадобится, отдать часть своей доброты другому. И если каждый будет так делать, то однажды в мире не останется одиноких людей. И злых тоже. И все будут счастливы.

Мне кажется, когда-то я все это знала. От бабушки или от мамы, может. А потом просто забыла, пока Лидочка мне не напомнила. Но когда она говорила, я сразу почувствовала, что знаю.

Может, он тоже знал, но забыл. Поэтому и стал одиноким.

ПЕТРОВИЧ

Она меня точно доконает. Предложила внезапно в рамс² сыграть. Я там на месте чуть не помер. Говорю:

– Нормальные у вас игры, Таисия как вас там.

Она тут же:

– Павловна.

Без тени улыбки! Но это ладно, тут я уже немного привык, чтобы без лишних слов реагировать. Но рамс? Блатная же игра!

Думаю: «Ну и ну! Старушка-то, оказывается, с сюрпризами».

А она так радостно:

– Это меня бабушка научила.

Бабушка! Ну и семейка. Преферансист-зихерников в таком-то колене.

А она мне опять:

– А ты умеешь?

Я прямо не знал, что ей ответить, честное слово.

Нет бы совет дать – не лезть куда не прошено. Но кому советовать-то?

Вот этой кучке перьев ошпаренных?

В итоге я так растерялся, что внезапно предложил:

– Давай, может, книгу почитаем?

Сам не знаю зачем. Но все лучше, чем ничего. Мы же не в тюрьме, прости господи, чтобы в рамсы резаться.

А она тут же:

– Давай!

И сразу вдруг посерела.

Вот этого я не понял совсем. Такого поведения. Сначала предложила и тут же – фьють – как будто под кожу свою ушла. Одни глаза на лице торчком остались.

Говорю же, я с ней скоро сам сума сойду! Уже недолго осталось.

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Никогда мы с ним не подружимся. Никогда!

Я же как лучше хотела. Предложила в карты сыграть.

Не понимаю, ему игра не понравилась? Или он ко всему моему так относится? С предупред... ж... Нет. Бредубеж... С бредубеждением! Вот!

Лидочка такое про нашего главного часто говорит. Что он хороший человек, но с бредубеждением. Это значит, что Высоченный во всякий бред верит. Я так поняла.

И он, получается, тоже верит всякому – про меня. Наверное, думает, раз я лысая, так и в карты играть не умею. А я умею! Меня мама давно научила. Но я соврала, что бабушка. Чтобы он про маму всякий бред не сочинял.

А книги... Я их правда люблю. Только все буквы забыла. А без букв как читать? То-то и оно.

Поэтому я испугалась.

ПЕТРОВИЧ

Вот же олух! Хорошо хоть сейчас додумался. Она же читать не умеет!

Я просто заметил, как у нее глаза забежали. А бегающие глаза – это что? Первый признак паники!

Думаю: с чего вдруг? Может, у нее книги с чем-то плохим связаны? Ассоциация какая или еще что.

² Рамс – карточная игра из разряда коммерческих. Начала набирать популярность в России во второй половине XIX века.

Это меня Серафимовна научила. Мозгоправии своей. Она же у нас редкого смысла психолог! Темень теменью, но людей похлеще той Ванги угадывает. Вот прямо насквозь просвечивает, как рентген. Тут я и подумал, может, у меня тоже такой дар включился, раз я эту туманность Андромеды так легко раскусил.

Туманность – это хоть не обидно звучит?

Ну а как понять? Я уже и не знаю, на какой козе к ней подъехать, чтобы она так не жмурилась. До меня только и дошло, что это было тогда – с тем салатом. Это у нее так страх проявился – беспрестанным морганием. А с стороны казалось, что она жмурится. Что тогда, что сейчас – с книгами.

Может, ее там били в этой их богадельне, если она такая припадочная? Страшно вообразить.

И тут она сама призналась:

– Я не помню, как читать.

А краснущая стала! Так я и понял всё. «Не помню» и «не умею» – у нее это один огород. Честное слово! Как будто мы на разных языках говорим. Хотя казалось бы! Мы и они – где та разница?

Так и мне без разницы, ну!

Но я вдруг зачем-то предложил:

– Давай тогда сам, что ли, читаю. Тебе.

Понадеялся, дурень, что она откажется. Ага! Видел бы кто это лицо, кроме меня!

И писать она тоже небось не умеет. Свезло так свезло.

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Сегодня вторник. День, когда я навещаю дочу.

Интересно, если бы она сама могла – пришла бы? Я часто представляю, как она заходит ко мне в комнату и мы обнимаемся. Как раньше! Когда еще все было хорошо.

Но так, как было, уже не будет. И доча никогда ко мне не придет. Ее, может, и забрал кто, а я не знаю. А если и не забрал, все равно – не придет. Я же ее бросила.

Брошенные, они так не могут – взять и простить. Мне Лидочка все объяснила. Для этого надо сердце иметь. С ключиком, чтобы можно было, как дверцу, открыть. Достать все свои обиды, а взамен что-то хорошее положить.

Ноу меня, наверное, и сердца нет. А если и есть, то мертвое. Оно давно не стучит, так просто – тюкает. Скрипит еще. Наверное, заржавело.

Поэтому я и про дочу знаю. Как же тут не понять? Меня ведь тоже бросили, не только я ее. Но она этого не понимает.

ПЕТРОВИЧ

Я сегодня точно катушками двинусь!

А как хорошо все начиналось! На завтрак дали пшенку с сосисками. Голик ее терпеть не может, а я люблю. И жутко обрадовался. Думаю, хоть что-то в этой жизни хорошее есть.

Серафимовна тоже в настроении пребывала. Эту – мою – со всех сторон обложила. И булочкой, и маслом. Еще и шоколадку в карман сунула. Будто я не видел!

По-честному, ее, конечно, можно понять. Что она здесь видела – из человеческого? А моя хоть и отдаленно, но все же ничего. Потешная. Чем-то даже на ребенка похожа. Ей бы еще щеки наесть и смеха в глаза напрыскать, была бы – не оторваться. А так чучело-мяучело. Смотреть больно.

Но надо! Ее без присмотра, как я понял, совсем нельзя оставлять. Вот за завтраком, например... Я к Голенькому буквально на минуту подсел – спросить, как они там с подселенцем сражаются. Помирился захотел. Думаю: что я буду, как чмошник, губы дуть? Тем более

мы с Таисией, кхе-кхе, Павловной кое-как поладили. Может, тот подселенец еще худший подарок, чем она.

И что же? Пока Голик из себя китайскую стену изображал – символ, чтоб его, неприступности, это чудо в перьях куда-то смылось. Я и там и сям посмотрел. Из Серафимовны всю душу вынул, мол, куда делась. А она, оказывается, в посудомойке торчит. Сергеевне нашей посуду помогает драить.

Я как накинусь. Говорю: сдурела, что ли! У нас тут своя мойщица есть, и прачиха, и врач, если надо. Лысак этот, который эксперимент придумал, нас персоналом по полной обеспечил. Понятно, денег накрал, а теперь сам не знает, куда их девать. Вот пристанища строит. Меценат эдакий.

Голик бы мне за эти слова по шее надавал. Ну не надавал бы, но попытался. Видите ли, я своим грязным языком на светлый лик его покровителя покушаюсь. Тьфу! Вот же рабская сущность – всякой тине болотной ноги лизать. Чуть кто ему сухарь бесплатный кинет, всё – кумир навеки. Ни грамма гордости у человека, что тут говорить.

И Таисия эта самая туда же. Вчера только заявила:

– Натаниэль Карэнович хороший! – говорит. Это лысый, что ли, – хороший? Ну-ну! Лысый – он и в Африке лысый. А хороших сейчас, поди, и в Антарктиде нет. Одни пингвины кругом.

В общем, я ее поругал как следует. Чтобы к мойщице больше не шастала. А если куда идет – пусть сообщает. Тому, кто за нее отвечает!

А то переживай потом...

Я за нее отвечаю вообще-то. Или как?

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Я думала-думала и вдруг сказала:

– Пошли со мной к доче!

Он сам просил говорить, если я соберусь куда-то. Ну вот, я собралась. Только одну меня все равно не пустят. А с ним – да. Я это еще у Лидочки спрашивала. Можно ли мне наружу выходить. И она сказала, что можно. С ним – точно да.

А он так удивился! Как будто и не знал, что за старшего.

– Я как-то и не планировал, – говорит. – Думал к воде сходить.

Ну, все понятно. Что ему на мою дочу смотреть – только расстраиваться.

– Ты что это мне тут, рыдать надумала? – испугался он.

Я тоже удивилась. Ничего я не думала! Просто носом шмыгнула.

– Точно? – он сразу как будто выпрямился. – А то смотри мне.

– Так ты пойдешь?

Придется плакать, если надо. Мне к доче надо!

– Пойду!

Он правда согласился? Ну да, раз за курткой пошел. И какую-то рас... отписку брать. Да, отписку. Что мы на обед не претендуем. Так он объяснил.

ПЕТРОВИЧ

Я, пока мы шли, чего только не передумал. Про эту ее дочу. И пока собирались, тоже думал. Про расписку вон забыл. И только на подходе к остановке вспомнил. Хотел обратно чесать, а Пална как завизжит: автобус, бежим скорее! А сама еле-еле плетется. Пришлось мне бежать и ее за собой тянуть.

Я сначала за плечо взял, там, где куртка болтается. Три метра кое-как отбуксировал. Нет, думаю, что я ее как мешок с картошкой волоку. Ну и плюнул на эти неудобства. Руку ей дал. Конечно, та еще сцена.

Ну а когда я с кем за руку ходил? Помирать будешь – не вспомнишь. Вот я и шагал. Морду по ходу дела корчил, чтобы она не подумала чего. Да и что ей там думать. Для нее это, может, нормальное явление – такая беспомощность. А мне отвечай. Я эту руку как взял – мушиную, – у меня аж занялось все.

Вроде кондрашки – один в один симптомы. Заколело так, что хоть вой. Думаю, сейчас крикну, что она тут со мной одна на мосту делать будет?

Но вроде отлегло.

Мы уже потом когда в автобус сели, я спросил:

– Замерзла?

Не буду же я вечно молчать.

А она вместо ответа бэмц – и сморщилась. Как тогда, в комнате! Ну вот что это, а? Зачем это? Слова не скажи – сразу психи. Нет, я с ней точно не справлюсь.

А она мне вдруг – тоненько так:

– Спасибо. Мне тепло.

И снова – бэмц.

И тогда я понял, что это. И зачем это.

У нее так улыбка называется!

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

– Ну вот, пришли, – Я показала ему на здание, – Видишь окно?

– Какое? Их тут сто штук.

Бурчит. Значит, опять злится. Но я делаю вид, что не замечаю.

Меня так бабушка учила. Говорила, если не замечать людскую злость, она тебя никогда не коснется. Но руку я все равно забрала и в карман сунула. Жалко, конечно. С его рукой было хорошо. Спокойно.

– Вон то окно, второе справа! – я попробовала объяснить, что вижу. Ноу меня лево и право часто путаются. И он, кажется, еще больше разозлился.

– Долго мы тут будем торчать – сопли морозить?

Если бы знать. Мы же всегда с Лидочкой приходили. И она меня вела.

– Не знаю, – еле призналась я. – Я не знаю, куда идти.

Он так на меня посмотрел! Как на преступницу. Мне сразу в туалет захотелось.

– Ясно!

И пошагал к будке. Кажется, туда нам и надо. Или нет? Я кинулась за ним.

Из будки вышел охранник. Не Леня. Высокий такой.

– А где Леня? – тихо спросила я, добежав.

– Так обед у него, – охранник кивнул на здание, где доча живет. – Авы куда?

А я стою и чувствую – сейчас случится катастрофа.

– Мне в туалет надо, – говорю, ни на кого не глядя. – Очень.

Слышу, вздыхает кто-то. Я хоть и не видела, но догадалась – кто.

– Начальник, пропусти, а? – попросил он. – Ну, сам понимаешь.

«Начальник» – это охранник – сказал:

– Идите! – и сразу ушел в будку. А мы в здание пошли. Побежали.

Тут из дверей вдруг Леня вышел. И как закричит:

– Тося!

А я ему:

– Не Тося я, сколько говорить. Мне это... надо... я спешу!

И мимо него – шмыг. Прямо по коридору, потом налево. Я от страха сразу дорогу вспомнила. Еле успела!

Потом, уже когда назад шла, их увидела.

– Вы на второй этаж когда подниметесь, – как будто объяснял руками Леня, – там справа сразу пост. Спросите – вам все покажут. Ну, бегите, – он снова махнул – куда-то в сторону – и пошел.

И мы тоже пошли. Наверх.

ПЕТРОВИЧ

Я ее когда увидел через стекло – не поверил. Подумал с чего-то – зря в уборную не зашел. Пална, ишь, продуманная оказалась.

Но если без шуток... Я до последнего не мог свести одно к одному в этой истории. Доча то, доча се. Я думал, это она про кошку так. Ну, про свинку, может. Какая еще может быть доча – в ее-то почтенном возрасте. Максимум кукла. На медсестру с поста всю дорогу косился. Кошка эта у нее, что ли, живет? На работу с ней ходит?

– Вот, – Пална вдруг остановилась и кому-то помахала. И медсестра остановилась:

– Пришли!

Симпатичная дылда. Зато я, по ее мнению, – не очень. Тут бы и дураку стало ясно – по улыбке, которой она меня наградила. Мисс Сострадание нашлась.

– Ну, показывай свою дочу! – я посмотрел через стекло, куда мы там пришли. И не понял.

Я так и сказал – вслух:

– Не понял. Это что?

– Где? – Пална активно изображала непонимание. Я вдруг так разозлился – не передать.

– Ты долго будешь из меня идиота делать? – напустился я на нее. – А ну собирайся, поехали назад.

Она испуганно отступила:

– Как же это – назад? А доча?

– Доча-доча! – передразнил я. – Ты меня уже достала со своей дочей. Голову дуришь.

– Я не дую, – у нее задрожали губы.

Я кое-как взял себя в руки и выдохнул.

– Ладно, – говорю. – Показывай! Где она?

А она пальцем в стекло – тук. И еще раз – тук. Как будто молотком мне по сырому мозгу – тук, тук.

Я стоял как баран. Рядом с этой «баранессой». И мы вдвоем пялились на лохматую девицу за стеклом. Лет шестнадцать, и то от силы. Но уже видно, что красивая. Даже такая.

– Эта, что ли, доча? – как-то уж совсем по-старчески кхекнул я. – Белобрысая?

Она снова сморщилась.

Радуетса – быстро определил я. Хотя кто ее поймет. Когда у человека одна эмоция на все случаи жизни.

– Белобрысая?

Она подняла на меня глаза – явно заинтересованная.

– Ну, – пояснил я, – блондинистая.

«Неужели и такого слова не знает? Чума!»

– Не знаю, – она пожала плечами, – Я не видела. Она же еще внутри.

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Едем обратно. Автобус еле-еле тянется. А я боюсь. Моста этого боюсь. Лучше бы на пароме поехали.

Когда нас в прошлый раз везли – с Лидочкой, – я спала всю дорогу. Потому и не видела, какая она, эта вода. С высоты черная и страшная. А когда на берегу стоишь – синей кажется. Не поймешь какая...

– Ты чего жмуришься? – слышу у самого уха. – Боишься, что ли?

От него пахнет чем-то хорошим. Я тихонько принимаюсь – чтобы он не заметил – и сразу узнаю этот запах. Так пахло, когда бабушка в горячий суп перец сыпала. Домом.

– Уже не боюсь, – я открываю глаза. – Ты же рядом.

Он сразу отворачивается. Смотрит через проход – в окно. Долго молчит, потом вдруг вздыхает. Шумно, как паровоз.

– Красота! – говорит. – Смотришь, и сразу жить хочется.

«Как это – „сразу“? – думаю я. – А „хочется“? Жизнь – это что, телевизор? Когда захотел – включил, захотел – выключил. Или я опять не так понимаю?»

Осторожно смотрю в окно. Мост скоро закончится, а мы еще про дочу не поговорили. Вот интересно, что он думает? Хочу спросить и даже рот открываю, но чувствую: лучше закрыть. Раз он так молчит.

ПЕТРОВИЧ

Я-то, конечно, с самого начала понимал: хлебом-солью нас вряд ли встретят. Но и на такой прием не рассчитывал.

Честное слово, как будто я школьник какой! Они бы меня еще на ковер пригласили.

– Вы, Алексей Петрович, меня неприятно удивили, – сказал директор, закрыв за собой дверь.

«Чья бы корова мычала», – подумал я, но по-умному промолчал.

– Вы же взрослый человек. Должны понимать, что так не делается.

Он начал расхаживать по кабинету с таким видом, как будто меня вот-вот выпрут из партии. Обеспокоенность демонстрировать!

– Как – так? – я с покаянным видом сел на стул. – Ничего же не случилось.

– Не случилось? – он резко стал как этот... – Вы взяли чужого ребенка и увезли непонятно куда.

Как лист перед травой – вот!

– Так она же вроде ничейная, – я сделал вид, что не понял наезда. – И почему неизвестно куда? Мы на берег ездили.

Директор осуждающе покачал головой.

– И никому ничего не сказали.

Ай-яй-яй! Он бы мне еще пальчиком погрозил.

– Алексей Петрович, дорогой вы мой, ну поймите же наконец. Здесь у нас – свои правила.

И вы должны их соблюдать.

– Ладно, – без возражений согласился я. – Сделаем.

Но Сивке-Бурке и этого оказалось недостаточно. Только я собрался идти, как он тут же закоптытил мне в спину:

– Если вам нужно куда-то уйти, уехать... я не знаю... Пожалуйста! Пишите расписку, образец висит на доске. Вы же видели, да?

– Не видел, – сказал я сквозь зубы. – Теперь буду знать.

Конечно, я видел. Еще до того как Голик мне плешь проел, дескать, теперь надо расписки по любому поводу писать. Вот интересно, а если мне в туалет приспичит? Тоже надо, да?

Ладно, может, я и сморозил слегка. Она все же на мне числится. Надо было написать, куда мы делись. Кто их знает, что они там могли вообразить.

Ну забыл!

Голик мне потом выдал серенаду. Ты, говорит, совсем, что ли, черт? Малую выкрал, хоть бы слово сказал! Серафимовну вон довел... можно сказать, до иступления.

Я только глаза закатил.

– А этой чего уже не жилось? Ей-то что за дело?

– Ну, – Голик пожал плечами, – переживала, видно. За Тоську твою.

Грозилась тебе башку отвинтить и в суп положить.

– Чего моя-то? – вяло огрызнулся я. – Нашли бабушку.

– Де душку-дедушку, – Голик, посмеиваясь, похлопал меня по плечу. – Пошли, давай, кинд... днепер ты мой недоделанный. Щей похлебаем.

«Киндднепер!» Вот же кол ходячий!

– Щи так щи, – подвел я черту под очередной бессмысленной беседой. – Хоть морду полощи.

Голик картинно вздохнул:

– И когда ты уже повзрослеешь?

ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Ну вот! Теперь нас, наверное, накажут. Хотя меня, может, и нет.

Я хотела пойти к директору и сказать, чтобы его не ругали. Это все я виновата. Я его к доче позвала!

Но пока шла, перехотела. Директор же сам большой! Значит, про дочу и так знает. А мы вот не знали, что так нельзя – без спроса уходить!

Я точно не знала. И он мне то же сказал: «Молчи, я сам разберусь».

Это когда мы только пришли и Серафимовну нашу встретили. Она как бросилась, чуть ли не со слезами. И давай меня обнимать.

– Миленькая моя, маленькая! – вот так.

«Ну-у-у... По росту, может, – мне сразу высвободиться захотелось. – Но чувствую я себя точно большой. Больше Лидочки! И даже Серафимовны. И вообще всех! То есть совсем уже старая. Как будто мне сто лет! Но все думают, что намного меньше».

– Я не маленькая! – сказала я, выпрямившись. – Видишь?

– Еще какая маленькая! – не поверила Серафимовна и повела меня кормить.

Это потому, что снаружи я никак не состарюсь!

Часть вторая

Человека долго рожать и растить, а убить – скорее скорого.
Чингиз Айтматов. Белый пароход

ЛЕСЯ

Мужик слева косится на меня не переставая. Может, ему слышно, что у меня там играет? Наушники и правда никакие. Вся музыка через них уходит – другим на радость. Как будто БГ собственной персоной стоит посреди палубы и орет во все горло. Ну, такой эффект.

Я уменьшила громкость, чтобы мужик себе случайно голову не скрутил. Но коситься он не перестал. Значит, дело не в БГ.

Как будто сразу было не ясно – в чем!

Пить хочется невыносимо. Вот прямо сейчас море, кажется, выпила бы. А до острова еще далеко. Черт меня вообще понес куда-то!

Но нет, все правильно. Оставаться было нельзя. Лучше уж так, чем приемник. Спасибо, я наелась. Добавки не надо.

Малая вон вшей, бедная, подхватила. И даже этот... мистер Пропер не помог, который хлорка. Уборщицы ее, видно, на завтрак вместо чая пьют – так от них вечно разит.

Хорошо, что малую оттуда забрали. Хоть куда! Там, судя по всему, тоже не рай, но отдельная комната есть. И в гости приезжать можно.

А волосы – ну, бывает. Отрастут. Главное, что вшей вывели. Мерзость!

Я все думаю... Это, конечно, ужасно – так говорить. Но, может, и хорошо, что бабули уже нет. Она же их так растила, эти ее волосы. Крапивой всякой мыла. Ромашкой. А тут раз – и нет ничего. Сбрили под корень вместе со вшами.

Уроды! Могли бы мазями вытравить. Шампунями какими помыть. Зачем так ребенка калечить?

Ну такое вот место.

Я туда ни за что не вернусь! Лучше на улице спать буду. Вот сейчас на острове денек отдышусь, а дальше решу – куда. Может, на Правый берег поеду. Там затеряться легче. Спросят что, скажу – память потеряла. Почему нет? В фильмах ведь так бывает. Значит, и в жизни может.

Хотя нет. В фильмах такого плана – вечный хеппи-энд по всем фронтам какой-то. А у меня, судя по прогнозам, просто зэ энд намечается, без всякого хеппи.

Ох, ба. Как же тяжело без тебя. Как это страшно – быть взрослой.

Если бы я знала, как на этом пароме укачивает, лучше бы на автобусе поехала. Мужика слева как ветром сдуло. Конечно, кому охота быть облеванным незнакомым человеком. Ветер – штука непредсказуемая.

Теперь еще больше пить хочется. И во рту противно – ужас как. Я стала копать в рюкзаке – там, кажется, жвачка была. И вдруг почувствовала чей-то взгляд. Как будто щеке тепло стало. Смотрю – парень. Лет двадцать пять, наверное. Ну, двадцать два. У меня прямо мурашки по коже забегали – так он на Егора похож. И улыбка похожая. Только волосы светлые.

В другие времена я бы, наверное, тоже улыбнулась в ответ. Ну, или нет. Боженка вечно психовала, что я дикая. Никуда с тобой не выйти, говорила. Шарахаешься от всех, как будто ты мамонтная.

Мамонтная! Я тогда так смеялась. Оттебя, говорю, Ирина Викторовна скоро шарахаться начнет. Это наша учительница по литературе.

Боженка сразу надулась. Но она такой человек. Сначала обижается, а через секунду уже хохочет как ни в чем не бывало. Вот и мамонтную ту мы быстро забыли. Но я запомнила! И теперь иногда вспоминаю. Когда хочу почувствовать, как это все было тогда – в прошлой жизни.

Я правда хочу, но не получается. Прошлого ведь нет. Кто это сказал? Наверное, кто-то на меня похожий.

Той жизни, кажется, вообще никогда не было. И меня прежней – тоже нет.

Парень ушел на другой конец палубы. Ну и славно. Как будто мне есть до него дело! У меня сейчас других забот хватает.

Сложно представить, как это все будет. Дома нет, семьи нет. Вещи и те пришлось оставить. Куда еще? На мне и без того груз – если так можно выразиться, неподъемный.

Но толку теперь жаловаться, когда сама во всем виновата. Надо было Боженку слушаться. А для начала – бабушку. Она же меня всю жизнь предупреждала!

Август. Семь месяцев назад

Мы пришли на тренировку – я и Боженка, – а оказалось, что у нас замена. Ляля заболела. – Соревнования на носу, а она болеть вздумала! – возмутилась Боженка. – Вот же!

Мы сразу решили уйти. Потому что Ляля есть Ляля и ее в принципе никто не заменит. Но потом в класс вошел новый тренер.

«Вау!» – шепнула мне Боженка. И такие еще глаза сделала!

– То есть ты замену одобряешь? – шепнула я в ответ.

И мы захихикали, как две дурочки.

Ну, у меня это было скорее нервное. В танце ведь важен контакт. Как минимум стренером. А я физически очень плохо схожусь с людьми. Я даже с Лялей и то напрягаюсь, если, например, поддержка в связке нужна. А тут незнакомый парень.

В итоге я все занятие вела себя как неадекват. Дергалась, спотыкалась, даже растянуться толком не смогла. Как подержанный робот!

А еще мне все время казалось, что он на меня смотрит. И думает: кто здесь этот гипскартон забыл?

Обидно, конечно. Я же в группе вроде как фаворит. Пусть и неофициальный. Боженка бы взбесилась, если бы кто-то при ней такое официально заявил. Но Ляля теперь – еще с прошлой весны – пишет мне после каждого батла в личку: ты лучшая. А это уже признание. По крайней мере для меня.

Потом, когда мы одевались, Боженка на всю раздевалку ахала и охала – какой же крутой этот Егор.

– Если бы Ляля решила еще немного поболеть, я бы не сильно расстроилась, – выдала она.

– Вообще-то желать кому-то болезни – грех, – я, причесываясь, показала ей в зеркало язык.

– Ой-ёй, нашлась праведница, – она продемонстрировала свой.

Ну, может, и не праведница, но бабушка нас к Библии кое-как приучила. Конечно, если смотреть по верхам, там много занудного. А вот когда вчитаешься!

– Идем в молл – пошатаемся? – Боженка подхватила рюкзак. – Мне джинсы нужны.

– Не могу. Бабушка попросила малую из сада забрать, – я изобразила висельника.

На самом деле никто меня не просил. Просто... как там бабушка говорит? Голь на выдумку хитра!

Вообще, это больше про пироге дешевыми консервами вместо пиццы. Но когда ты беден, шляться по торговому центру в поисках джинсов не для себя – такое, знаете ли, удовольствие. Приходится врать. Что, конечно, мерзко.

Мы начали спускаться по лестнице и столкнулись с Егором. Он поднимался наверх.

– Егор, спасибо вам за мастер-класс! – тут же запела Боженка. – Крейзи лег – это просто бомба.

– Еще придете? – он вроде спрашивал нас обеих, но смотрел на меня.

Ау меня сразу ноги отказали – от этой его улыбки. И язык отсох.

– Конечно, придем! – Боженка взяла меня, онемевшую, под локоть. – Вы на Леську не обращайтесь внимания. Она у нас дикая.

– И очень способная, – он кашлянул, как будто смутился. – Приходите, будем тренироваться.

– Ну на-а-адо же, – завела Боженка, как только мы вышли на улицу. – Очень способная... Она кривлялась всю дорогу. И не так чтобы по-доброму. Но я ее не слушала. Я вспоминала, как он смотрел на меня. И его невероятный голос – мягкий и какой-то... такой родной!

На следующий день Боженка слегла с простудой. Прямо накануне тренировки.

– Может, и ты не ходи? – прокашляла она мне в трубку. – Это какая-то инфекция. Скоро и тебя накроет.

– Выздоровливай! – сказала я. И сразу решила, что пойду. Это ее пророчество меня просто из себя вывело.

Хотя в обычное время Боженку я очень люблю. Мы с ней с первого класса дружим. Вот как сели однажды за парту, так и не расстаемся. И родители наши дружили. Праздники вместе отмечали, Новый год.

А еще – удивительно – у нас и фамилии почти одинаковые. Захарченко и Захарова. В школе до сих пор путают, кто есть кто. Палочки Твикс – вот так еще нас называют.

А бабуля моя Боженку не жалуется. Это мягко говоря. Говорит, что она злыдня. Дескать, волосу нее нехороший – черный. И мать из западников, а они там через одного ведьмаки. Ну, ба, как обычно, в своем репертуаре. Я в такую чушь не верю. Бред.

Хотя Боженка иногда и правда перегибает. У меня даже мелькнула мысль, что эта простуда... это ее Бог наказал – за высказывания в адрес Ляли.

Ну, может, тоже бред. У Бога есть дела поважнее, кроме как старшекласниц за длинный язык наказывать.

На тренировке было совсем мало людей. Я, Ариша, Инга со Златой и какая-то новенькая девочка. Я так поняла, ее Егор привел.

Честно, лучше бы никуда и не ходила. Боженка, наверное, и правда ведьма – на Егора порчу навела! Он к этой новенькой как будто приклеился. Пока связку разучивали, и к другим-то хорошо если пару раз подошел. А ко мне вообще ни разу! Все Мариша да Мариша. Ну, новенькая.

У меня под конец прямо горло сдавило – от обиды. Не на него, на себя. Так стыдно стало.

С чего я вдруг решила, что он и я можем... Ну идиотка! Такой крутой парень... А я кто? Обычная серая школьница.

Мы с девочками были в раздевалке, когда мне позвонила Боженка.

– Ну что ты, все-таки пошла? – недовольно резюмировала она. – Предательница.

– Пошла, – вздохнула я. – Лучше бы тебя послушала.

– Заболела? А я тебя предупреждала! – как будто обрадовалась Боженка. И тут же сменила тему: – Так а что там наш мистер Икс? Был?

– Угу, – я зажала телефон между щекой и плечом и быстро запихала вещи в рюкзак. – Давай потом поговорим. Неудобно.

– Ладно, – сжалась Боженка. – Звони скорее. Мне же интересно, что и как.

– Никак, – сказала я и хотела отключиться, но случайно уронила телефон. Он с каким-то жутким звуком шмякнулся о плитку и развалился у меня на глазах. Конечно, такая мумия. Странно, как он вообще просуществовал столько лет.

Но я все равно разревелась. Сама не знаю, почему так. Девчонки, наверное, решили, что я чокнулась. Стали молча переглядываться. Одна Злата сразу подошла и обняла меня.

– Лесь, ну ты чего? Это из-за телефона?

– Из-за всего, – я кое-как кивнула. – Просто день плохой.

– Хочешь, пойдем в кафе посидим? Я угощаю.

Она хорошая такая. Хороший друг!

– Все нормально, – я отстранилась и взяла рюкзак. – Спасибо тебе. Но мне лучше домой.

– Смотри сама, – Злата озабоченно хмурилась. – Звони, если что.

– Пока! – я выскочила из класса на лестницу и побежала вниз, как будто за мной черти гнались.

Выбегаю на улицу, а там дождь. Не кап-кап, а такой конкретный ливень. Вроде и не предвещало. А на мне только толстовка. Мрак.

Я думаю: ладно! Не будет же он вечно лить. Или будет? Какое настроение – такая и погода. И тут Егор выходит. Вместе со своей Маришей. Вот это я понимаю – драматическая развязка.

– О, Леся! И ты здесь?

Ну-ну. Он прямо удивился. Как будто только сейчас узнал о моем существовании.

– Егор, ну все, я побежала! – Мариша неожиданно подхватила и чмокнула его в щеку. – Маме привет.

– Тебя не надо подбросить?

Она уже выскочила под дождь, но обернулась и так картинно рассмеялась – Голливуд где-то точно умер. От сердечного приступа, ага.

– Меня подвезут!

«Да, нам так не жить», – сурово подумала я. Натянула капюшон, вжала голову в плечи и тоже шагнула под дождь. Правда, вышло это не столь изящно, как у Мариши, но это не отменяет того, что я – позорище, потому что по ходу дела вляпалась кроссовкой в лужу. Ноге сразу стало холодно и противно.

– Леся, может, тебя подвезти?

Егор, наверное, отлично повеселился от всей этой ситуации. Но голос звучал не насмешливо. Мягко.

– Не надо! – я махнула спущенным рукавом, в котором где-то неловко потерялась рука. – Мне недалеко.

– Точно?

Я резко крутнулась, зачерпнув ногой еще одну порцию жижи, и пошла. Мисс Грация года, да.

– Стой! – он побежал за мной. – Ну куда ты под дождем? Давай хотя бы провожу.

Капюшон съехал мне на лицо, но, может, и хорошо – никто не увидел, как я вытаращилась. Проводить? Меня?

– А дождь? – я осторожно подняла глаза. Он по-прежнему улыбался, но как-то... почти серьезно.

– А зонт на что? – Егор взял меня за рукав и потащил обратно на крыльцо. – Стой здесь, я сбегаю.

Дальше мы просто шли. И я ничего не соображала. Дождь вроде и шел, а вроде и нет. Я смотрела себе под ноги и слушала его голос, пропуская через слово. Чувствовала, какое теплое у него плечо. Такое взрослое. Крепкое. Мариша – это, оказывается, крестница его мамы. Вот откуда тот поцелуй. Ну да. Почти сестринский, получается. А сам он переехал с Правого берега. Родители там остались. А здесь – на Левом – перспектив больше. Вот школа эта нарисовалась. Ляля обещала помочь с графиком.

– Так вы теперь все время будете с нами заниматься? – вставила я, чтобы уж совсем не молчать.

– Ну, – и он хрипловато рассмеялся. – Это как сами захотите. У меня будет свой индивидуальный курс.

– Захотим, – сказала я и стала красная, как моя толстовка, – по ощущениям. Он это тоже, наверное, заметил. И замолчал.

Пока мы дошли до подъезда, дождь успел закончиться. Но мы все равно стояли под зонтом. Как будто оба не хотели покидать это временное укрытие. Наше укрытие, где были только мы вдвоем.

– Пришли, – сказала я, когда тянуть уже было некуда, и он сразу резко закрыл зонт.

– Ничего себе дом, – и так... выразительно обвел глазами крышу, – Старый...

– Скоро развалится, – как-то легко подхватила я. Стеснение куда-то ушло. Я и не заметила, когда оно выветрилось.

Егор стоял, качая зонтом, и задумчиво смотрел на крышу. Волосы у него были мокрыми и смешно сбились в ежик.

– Давай беги, – сказал он наконец. – Тебя, наверное, мама ждет.

– Э-э-э... д-д-да, – неловко пролепетала я. – Пока! Спасибо, что проводили.

Я повернулась и пошла, еле сгибая ноги.

– Леся? – он каким-то магическим образом оказался прямо за мной.

– Да? – я осторожно повернулась – так, чтобы случайно в него не врезаться.

– Можно на «ты»? – он смотрел на меня исподлобья... так – вроде шутливо. – А то я себя каким-то стариком чувствую.

– Конечно, – я торопливо закивала, – Да! Ты!

Как умалишенная.

– Э-э-э... пока! – пискнула я, – До свидания.

– Леся?

«Неужели...»

– А можно взять у тебя телефон?

Сердце загремело у меня в ушах.

– Мой? – переспросила я – совершенно по-дурачки.

И покраснела – еще ужаснее.

– Мне позвонить надо, – объяснил он. – А тут засада: зарядка села.

– О... – вырвалось у меня. – А! Я просто подумала... Понятно.

Мне хотелось провалиться сквозь землю. Я просто ходячий косяк. Идиотская катастрофа.

– У меня телефон разбился, – сказала я, кое-как вытащив язык из задницы, – Вот!

Вытряхнув из кармана кусок телефона, я сунула ему чуть ли не в лицо – резче, чем следовало.

– Видите? Видишь...

– Жаль, – сказал он. – А я хотел тебе свой номер записать.

– Зачем? – меня накрыло волной жара.

– На всякий случай, – он пожал плечами. – Мало ли что.

– Я пойду, наверное, – из последних сил выдавила я. – Уже поздно.

– Иди.

Опять эта невероятная улыбка. От которой все тело растекается, как поджаренный пластик.

И я пошла – как по дну бассейна.

Бабушка мне, конечно, надавала по полной. Я же малую из сада не забрала!

– Шляется где попало, а ребенок несчастный на скамье под дождем сидит, как сирота последняя! – завопила она с порога.

«Так она и есть сирота», – привычно кольнуло у меня внутри. Малую до слез жалко. Вот бабушка, не дай бог, умрет – что с ней будет?

– Я не на скамье сидела, – вступилась за меня малая, – а в группе. С Оксаной Николаевной.

– С Оксаной Николаевной, – передразнила ба. – Ишь, защитница выискалась. Зови эту блудную на кухню, супа дам.

– Я не хочу, бабуль. Спасибо! Ешьте без меня! – я собралась идти в комнату, но некстати увидела глаза мелкой. Грусть и скорбь забытого народа – вот как это называется. – А ну-ка иди сюда!

Взяла ее на руки, обняла – мышь эту бесхвостую. И как давай щекотать. Полчаса, наверное, бесились. Еле-еле успокоились.

– Ладно, ба, давай свой суп! – крикнула я, отдышавшись. – И побольше.

А сама, пока ела, только про телефон и думала. Как его починить. Но он так и не починился.

На следующий день я позвонила Божене по домашнему. Хотела сказать, что моему телефону пришел кирдык. А она как навалилась. Ни здрась-те, ничего. Прямо-таки допрос с пристрастием устроила. Оказывается, девчонки видели, как мы с Егором уходили.

– Ну проводил меня человек до угла, и что? – огрызнулась я. – Это же не запрещено законом?

– Ну-ну, – она хмыкнула в трубку. – Только до угла, и все?

– И все, – голосу меня стал каменным. – Или ты сплетням больше, чем мне, веришь?

– Ладно, что ты кипятишься. Уже и спросить нельзя.

– Нельзя! – отрезала я, – Если ерунду всякую спрашиваешь.

– Понятно, – протянула Боженка. – Кто-то у нас сильно не в духе.

– У меня телефон умер, – пожаловалась я.

– Что, совсем? – ахнула Боженка.

– С концами. Разлетелся в хлам.

– Ох, – очередной скорбный вздох. – И как ты теперь?

Я пожала плечами:

– Как и все люди прошлого века. Телеграммы, письма от руки. Есть же домашний, на худой конец.

– Ничего смешного, – фыркнула Боженка. – Посмотрим, сколько ты без тик тока протянешь.

– Сколько потребуется, – заверила я. – Пока на новый не накоплю.

– Накопишь ты, ага. Смотри с голоду не умри для начала.

Вот в этом тоже вся она. Ни капли такта у человека. Или это такая месть – за прошлую жизнь? Пока мама с папой были живы, мы в нашем дворе считались самыми обеспеченными. Своя квартира, машина дорогая. Летом в Испанию ездили. Зимой в Египет. Мне в классе все завидовали. И Боженка тоже. А потом – привет – и ничего нет. Нет тебе больше ни Испании, ни Египта, ни мамы с папой. Зато есть бабушкина тесная хрущевка, пустые вечера и холодные макароны на завтрак.

Хорошо, еще малая есть. И сама бабушка. Без них меня бы, наверное, уже тоже не было.

– Божен, я тебе потом позвоню. Пока.

Я бросила трубку. Даже не спросила, как она себя чувствует. Подруга, называется.

Но телефон почти сразу зазвонил.

– Лесь, ну прости! – заныла Боженка. – Ну я коза. Слышишь?

– Слышу, – чуть подобрев, сказала я. – Коза ты моя дереза.

– Ну хочешь, я тебе свой телефон дам? Старый.

– Не надо. Я что-нибудь придумаю.

– Ну смотри сама, – она явно обиделась. – Я же как лучше хотела.

– Знаю, – сказала я, – Не переживай.

Это не потому, что телефон старый. Просто я не люблю быть кому-то должна.

На следующую тренировку я снова пошла одна. У Божика простуда по полной программе разыгралась: и сопли, и кашель.

– Захарикова, – хрипела она в трубку. – Это ты на меня порчу навела. Чтобы отбить себе Егора.

Захарикова! Она меня всю жизнь так называет.

И, главное, – ха-ха-ха!

И я тоже – ха-ха-ха!

Хотя я бы не сказала, что это так уж прямо смешно. По крайней мере вторая часть, про Егора.

– Привет! – он ждал меня возле класса. Ну то есть не меня, а всех, но мечтать-то можно.

– Привет, – сказала я как смогла ровно. – Божены сегодня опять не будет.

– Очень жаль, – он равнодушно пожал плечами. – Но главное, что ты пришла.

И вот как мне реагировать? Это вежливость такая или что?

Я протиснулась, именно протиснулась в дверь, потому что он стоял, загораживая проход, и потопала в раздевалку.

– Леська, у тебя новый топ? – сразу заметила мое обновление Злата. – Цвет – просто шик! К твоим глазам подходит.

– Правда? – я неловко ссутулилась. – Не слишком открыт?

– Огонек! – подбодрила меня Злата.

На самом деле этому топу уже сто лет. Боженка давным-давно подарила. Сказала, что ей мал. А на мне наоборот – висел как на вешалке, потому что у меня размер в определенных местах, как у первоклассницы, упорно держался до последнего класса. Сейчас вот только-только на второй поменялся. Но я все равно немного комплексую.

Мы вышли из раздевалки все вместе. Но я чувствовала себя так, как будто иду через зал одна – абсолютно голая!

– Давайте разминку! – бодро начал Егор, повернувшись к зеркалу. И я сразу же поймала в отражении его взгляд. Такой – супервнимательный.

После тренировки девчонки решили пойти в кафе. Они знают, что у меня с деньгами напряженно, но все равно зовут. И это хоть как-то скрашивает мое уязвленное положение. Как будто у меня есть выбор – пойти или не пойти. Я почти всегда отказываюсь, но иногда хожу. Ба, когда в настроении, разрешает забрать сдачу после магазина. Пара таких походов, и капучинкой раз в две недели я обеспечена.

Раньше я бы, наверное, сума сошла от такой жизни. Но к бедности быстро привыкаешь. Как, в общем-то, и ко всему.

– Так ты пойдешь? – спросила Злата, пока мы спускались в фойе.

Я хотела пойти. И уже приготовилась сказать «да». Но в последний момент передумала.

– Давайте в другой раз!

– Понимаю, – Златка вдруг заметно напряглась. – Лесь... Ты это, только не обижайся, ладно? Меня мама попросила сказать.

– Ладно, – я уже мысленно приготовилась.

– Ты, если вам что-то надо, – скажи... Такая ситуация – не дай бог. Все ведь всё понимают, – запинаясь, затараторила она.

Я взяла ее за локоть и сжала – не сильно, но так, чтобы она поняла: я тоже все понимаю.

– Мы в порядке. Правда.

– Но если что-то нужно будет... – по новой завела Злата.

– Я обязательно скажу!

– Хорошо, – она с облегчением выдохнула. – Прости, если я как-то не так выразилась.

Я улыбнулась насколько меня хватило широко. Но чувствовала, что получилось неискренне. Жалость – это такая штука, которая любую искренность убивает. С обеих сторон.

Настроение у меня стало никакое. Я понимаю, что это всё от души. Люди хотят помочь. Поддержать. Но мне-то от этого не легче. Убивает такое сочувствие, честно.

Я вот уже решила, что с сентября работать пойду. Ну, школа, и что? Вытяну. Несовершеннолетняя – да. И дальше? Руки сейчас везде нужны. А без маникюра тем более. Потом, можно ведь работать неофициально. Нигде не числиться, а зарплату получать. Так многие делают.

И бабушке станет полегче. У нее, конечно, пенсия есть – никакая. Посobie на нас с мелкой. Но надо ведь и еду покупать, и одежду. Малая растет, как на закваске. Плюс мои танцы. За них тоже платить приходится.

Конечно, ба будет возмущаться. Скажет, что мне учиться надо, в институт поступать. Так я и поступлю! Зря я, что ли, одиннадцать лет впахивала?

Мне вот еще годик за партой продержаться, а там – новая жизнь. Стипендия. Буду их с малой тянуть.

Я так задумалась, что не заметила, как подошла к дому. И вдруг увидела его.

– Егор? – у меня внутри все ухнуло, – Ты что здесь делаешь?

– Привет! – он пошел мне навстречу. – Давно не виделись.

– Серьезно, как ты тут... – я покрутила головой.

– Тебя преследую! – он скорчил зловещую мину.

– Смешно, – я жалко улыбнулась.

– У меня здесь друг недалеко живет, – начал объяснять Егор. – Договорились в клуб вместе съездить.

– А что за клуб? – спросила я чисто из вежливости.

– Да просто место, – он неопределенно пожал плечами. – Можно прийти и спокойно потанцевать своей тусовкой.

– Понятно, – я чувствовала, что разговор вот-вот затухнет.

– Хочешь с нами? – спросил вдруг Егор.

– Что? – я от неожиданности прикусила щеку. – С вами? Мне же еще восемнадцати нет.

– Брось. Там все свои. И помладше ребята залетают.

– Тогда хочу, – к своему же изумлению, согласилась я.

И тут же опомнилась.

– А вход там платный? Я... м-м-м... кошелек забыла.

– Не заморачивайся, – Егор улыбнулся – этой своей коронной улыбочкой, – Я тебя приглашаю.

– Нет, ты что... Мне неудобно, – я с жалким видом прижала к себе рюкзак.

Ну вылитая сирота!

– Неудобно спать на полке! – он со смехом взял меня за плечи и решительно подтолкнул. – Вон моя машина!

– А твой друг? – я слегка забуксовала. – Мы что, не будем его ждать?

– Он догонит, – Егор открыл передо мной дверцу. – Запрыгивай.

Я чувствовала себя совсем по-дурачки. Думала: неужели это и правда происходит? Он и я в одной машине, едем в клуб. Не верится, что такой парень мог меня куда-то пригласить.

– А ты точно не маньяк? – спросила я дрогнувшим голосом.

– Честное пионерское! – хохотнул он.

Я тоже немного повеселела.

– Ты и в пионерах ходил? Это сколько же тебе лет, получается?

Он зацепился глазами за мое отражение в зеркале. И смотрел не отрываясь:

– Двадцать два, чтобы долго не считать.

«Двадцать два? – с каким-то облегчением подумала я. – Не такая уж и разница. Папа тоже был старше мамы. Вообще на семь лет! И ничего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.